

УДК 9с(47.20)

Статья

НОРМЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ КОНЦА XVIII ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ОБ ОГРАБЛЕНИИ ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ШВЕДСКО-КАРЕЛЬСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ¹

Суслова Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

кандидат исторических наук

специалист Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК)

преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений
Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ.

evgenia.suslova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению судебного разбирательства о краже крестьянами Ребольского погоста, отправившимися весной 1774 г. на заработки в Швецию, посуды и тканей из лютеранской кирки. Содержащие подробные выписки из рапортов канцеляристов, поручиков и старост протоколы канцелярии пригорода Паданска, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Карелия, позволяют восстановить ход ведения дела, отношение к факту кражи локального сообщества и местной администрации с обеих сторон русско-шведской границы.

Анализ допросных речей старост и обвиняемых свидетельствует о том, что несмотря на устроение властями норм, регулировавших пропуск за рубеж, граница в середине 1770-х гг. оставалась открытой. Особую роль в разрешении конфликта сыграли сами жители окрестных — Панозерского, Ругозерского и Ребольского — погостов, заинтересованные в сохранении добрососедских отношений с соседним государством, куда они отправлялись на промысел и для торговли товарами из северо-западных и центральных областей Российской Империи.

Ключевые слова: XVIII в.; Ребольский погост; Карелия; Швеция; Российская империя; пограничье; государственная граница; таможня; зарубежная торговля; кража; лютеранская кирка; история повседневности, социальная история

¹ Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14), в ходе реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. и при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01225a2)

Введение

В фонде 652 «Канцелярия пригорода Паданска» Национального архива Республики Карелия сохранилась документация о розыске воров, укравших в Швеции серебряную посуду и ткани из протестантской кирки весной 1774 г. Обвиняемые, так же как и другие лица, участвовавшие в урегулировании житейской ситуации, проживали в пограничной области, часть которой находилась под юрисдикцией Российской Империи, а другая — Шведского королевства. На протяжении многих десятилетий местное население вырабатывало собственные практики решения разнообразных конфликтных ситуаций, тем самым стремясь обезопасить себя от любых непредвиденных обстоятельств, особенно в период военных действий. Однако шедшая из глубины веков традиция развивалась и превращалась в норму не только в военное, но и в мирное время. Всестороннее изучение отношений, складывавшихся до и после совершения кражи между местными крестьянами, представителями шведских и российских властей, представляет уникальную возможность для реконструкции повседневной жизни российско-шведского приграничья в мирное время между войнами 1741—1743 и 1788—1790 гг.

Источники

Сведения о ведении розыска преступников выявлены в протоколах заседаний канцелярии пригорода Паданска. Всего состоялось восемь заседаний — три в 1774 г. (9 и 20 августа, 28 ноября) и пять — в 1775 г. (6 и 14 февраля, 28 и 30 марта, 4 апреля). В протоколы включены выписки из рапортов, представлявшихся в канцелярию ее служителями и земским старостой Ребольского погоста Иваном Фотеевым, допросные речи местных крестьян — «приличившихся в краже», «караульных» и получивших письма от «шведских камандиров». Рассматривая всю получаемую документацию, канцелярия во главе с комиссаром порутчиком Василием Нечаевым выносила те или иные резолюции. Протоколы расположены в хронологическом порядке, нередко вперемежку с протоколами заседаний, посвященных решению других вопросов, и записаны мелким ровным почерком на шестнадцати листах.

Дело о поимке воров, укравших имущество из лютеранской кирки, вскоре было передано для вынесения окончательного решения в олонецкую провинциальную канцелярию. Его черновик на 62-х листах хранился в Паданске, в то время как беловик отправили в апреле 1775 г. в Олонец. Сохранившийся черновик дела содержит подготовленный служащими канцелярии пригорода Паданска и записанный размашистым почерком «Экстракт» — связный текст, состоящий из выписок разнообразных документов, на основании которых принимались соответствующие резолюции.

На заработках в Швеции: обстоятельства кражи

Из четырех воров трое были пойманы и допрошены в июле-ноябре 1774 г. Их показания не противоречили друг другу. В частности, все они свидетельствовали, что за полгода до кражи находились «за шведской границей» для своего «прокормления работою» [3; 5, 22]. Один из них — уроженец деревни Лувозеро Ребольского погоста Савин Пиминов указал, что «отлучился... в граничащую с тем Ребольским погостом Шведскую нацию» в декабре 1773 г. и «по прибытии имел жилище у шведских обывателей, кормился черною работою» [3; 23]. Вскоре, согласно его заявлениям, он «пробрался той же нации в местечко Гаулавала, где у шведского пастора имел жительство и работал портное мастерство» [3; 23]. Из допросных речей ясно, что проживая в домах местных обывателей и принимая заказы на пошив одежды, Савин Пиминов говорил на понятном для заказчиков языке. Более того, различие в вероисповедании не являлось для него каким-то непреодолимым обстоятельством, мешаю-

щим работать на шведского пастора. Лояльно относясь к лютеранской церкви, лувозерец не забывал веры отцов. Об этом говорит хотя бы тот факт, что совершив воровство и боясь возможной поимки, он все же вернулся к 26 июля 1774 г. «в свой Ребольский погост деревню Олаярви, состоящую от ево жилища в девяносте верстах, к празднику Святых Апостол Пера и Павла» [3; 23].

Два других вора — жители деревни Перти губа того же Ребольского погоста Григорий и Михаил Никифоровы — появились «за шведской границю в местечке в Годушеве острове для портного мастерства» между апрелем-июлем 1774 г. [3; 5]. Братья уверяли власти в своих допросных речах, что пришли в королевство «з данным им из олонецкой юшкозерской пограничной таможни для проходу во оную билетом» [3; 5—6].

Братья Никифоровы указывали, что, находясь в местечке Ловдушев остров (в протоколе допроса Григория Никифорова — «Годушев остров»), «сошлись» с государственным крестьянином деревни Алозеро того же Ребольского погоста Фролом Никитиным. Последний проживал в доме у шведского солдата, имени которого братья не могли вспомнить [3; 5]. Они подчеркивали, что именно алозерец «стал звать» их «сыскать... бывшего в то время за той границей... Савина Пиминова» [3; 6]. Складывалось впечатление, что Фрол Никитин был лично знаком с Савином Пиминовым. Однако сам Савин Пиминов всячески подчеркивал, что как братья Никифоровы, так и Фрол Никитин, были для него «неведомые люди», назвавшими себя его одноземцами — крестьянами Ребольского погоста — и объявившими, «что... портной работы ищут» [3; 23].

Разыскав Савина Пиминова в доме у шведского пастора и «переначевав» у него, пришельцы «назавтре купили вина» и, со слов Савина Пиминова, «напившись допьяна, стали ево просить, чтоб он с ними вступил в товарищество как он то же портное мастерство имеет, на что он и согласился» [3; 23]. При этом в своих свидетельских показаниях Савин Пиминов и братья Никифоровы отметили, что поведение Флора Никитина было подозрительным: «он, Никитин, имеющимся тогда при нем вином всех их напоил допьяна, а сам мало де того пил» [3; 5].

Дальнейший рассказ преступников, которые стремились оправдать себя, представлял собой череду случайных событий. Так, все они подтверждали, что на следующий день отправились из Гаулавалы в местечко Сиговое устье, но не доходя до него одной весрты «у шведского десятицаго выпросились начевать» [3; 23] (братья Никитины называют его «шведским старостой» [3; 5—6]). Далее их путь лежал «в деревню в Ярьяри, расстоянием от Сигаречного местечка в полуверсте...», где пришельцы остановились вновь «для шитья кавтанов» [3; 23]. Здесь они пробыли сутки: Савин Пиминов с братьями Никифоровыми шили «все обще два кавтана» и «над вечер пошли в другой дом, в котором... Фрол [Никитин. — Е. С.] работал». Последний, «купя вина», вновь «стал их поить, где напившись пьяны, ...пошли в лес» и ночью ограбили кирку [3; 6, 23].

Однако отдельные замечания рассказчиков рассказа в том, что они готовились к краже. Разузнав об имуществе, хранившемся в кирке от Савина Пиминова, Фрол Никитин и братья Никифоровы стали уговаривать его вступить в сделку — «чтоб он на все был с ними отважен», или, по крайней мере, «их в потребном случае не выдал» [3; 23]. Трое из четырех пойманных преступников — братья Никифоровы и Савин Пиминов — позже утверждали, что их товарищ — алозерец Фрол Никитин был «предводителем к воровству», так как именно он «начал всех их подговаривать, чтоб имеющуюся в том местечке кирку сигаречную пограбить» [3; 5].

Поздней ночью Фрол Никитин, Савин Пиминов, Григорий и Михаил Никифоровы пробрались лесом к кирке. Согласно свидетельству Григория Никифорова, Фрол Никитин стал действовать первым: «выставя окончину, вошел в кирку, за коим и он, Григорей, и Савин последовали». Снаружи — «не входя в ту кирку» — «остался стоять под... окошком» и сторожить остальных Михаил Никифоров. Преступники, «пришед в шакаст или олтарь», где стоял по словам Савина Пиминова — «сундук», а по свидетельству Григория Никифора — «коробейка», отомкнули крышку и забрали «по разным штукам» самые ценные вещи [3; 5 об., 23].

Той же ночью воры скрылись: лесом они добрались до местечка Киму наволоок, где между ними, по всей видимости, произошла ссора [3; 5 об., 23]. Савин Пиминов вспоминал, что его товарищи, «вещи отнезсши в лес..., разделили по себе..., а ему-де Пиминову ис тех вещей ничего не дали, выговаривая при том, что когда они те вещи распродадут в России, тогда и часть ему денгами отдадут» [3; 23]. По его свидетельству, вчетвером они «шли... обще до российской границы», где «отстав от него... пошли неведомо куда». Сам Савин Пиминов не стал возвращаться домой, а жил «на шведской границе у обывателей, кормясь портным мастерством и черною работою недели з две» [3; 23].

Допросные речи братьев Никифоровых противоречили показаниям Савина Пиминова. Братья утверждали, что «Фрол и Савин, отдав всю объявленную посуду... для сохранения» им, ушли, в то время как они вернулись «в дома свои» [3; 5 об.—6].

Государственная граница со Шведским королевством: представления крестьян и позиция властей

Показания воров о их пребывании за рубежом позволяют сделать вывод о том, что государственная граница во второй половине XVIII в. воспринималась местными крестьянами как некий рубеж, образованный естественными преградами — реками и озерами, дремучими лесами и болотами. Его можно было легко пересечь на неконтролируемых властью участках — в каком-нибудь «лесном месте» или близ заброшенного кладбища. Детально изучив документы о деятельности в 1770-е гг. юшкозерской таможни, К. М. Агамирзоев подчеркивает, что крестьяне-коробейники, не без оснований опасаясь лихоимства и самоуправства служащих таможни, везли товары в Швецию «глухими» дорогами в ночное время [6; 103, 108]. В подтверждение, исследователь приводит цитаты из «ответов» главного смотрителя пограничной таможни Сергея Ушакова на жалобы крестьян Панозерского погоста [6; 107]. Обращение к тексту документа убеждает в том, что служитель сетовал на большие расстояния и непроходимые места: «в зимнее время снега болшие, леса глухие, а в летнее — за озерами, болотами и реками, по коим всюды пороги..., крестьяном во всяком месте уклонность и убежище сведомы» [5; 28].

Следует подчеркнуть, что обыватели достаточно свободно пересекали границу со Шведским королевством не только в Северной части Карелии, территория которой в административном отношении вплоть до 1784 г. составляла Лопскую Паданскую округу. Финляндский исследователь К. Катаяла подчеркнул, что в XVIII в., с присоединением к Российской империи территорий вокруг побережья Ладожского озера, Карельского перешейка с городами Выборгом, Кякисалми, Куркийоки и Сортавалой, контрабанда оставалась обычным явлением. Этому способствовала, по мнению автора, плохо налаженная охрана границы и до конца не разрушенные торговые связи жителей провинции Саво и территорий бывшего Кекгольмского лена, оставшихся под юрисдикцией шведской короны, с Сортавалой и местным крестьянством [9; 79, 81]. Ученый отметил, что во второй половине XVIII в. контрабандисты из Швеции везли в Сортавалу и Выборг караваны груженых преимущественно маслом повозок, которых в некоторых случаях насчитывалось до пятидесяти [9; 81].

Тем не менее во второй половине XVIII в. российские власти принимали меры по ужесточению контроля за пересечением обывателями государственной границы, в том числе в Северной Карелии. Так, вдоль рубежа Российской империи со Шведским королевством была организована разветвленная сеть застав и страж, перечень которых выявлен коллективом авторов — И. А. Черняковой, О. В. Черняковым, Е. В. Ляллей и А. М. Шредерсом [8]. Имея целью создать тематический раздел картографической базы данных, исследователи использовали современную цифровую векторную карту для реконструкции исторической карты, обнаруженной И. А. Черняковой в научно-исследовательском архиве Санкт-Петербургского института истории РАН и имеющей самоназвание: «Часть пограничной карты Российской империи с Шведским королевством, с показанием на оной таможен, застав и страж» [8]. Карта датируется исследователями не ранее 1784 г. — не позднее 1802 г. Она снабжена легендой, послужившей основой для формирования в геоинформационной модели тематических слоев — «населенные пункты», «объекты пограничной службы», «дороги». Изучив «объекты пограничной службы», такие как «таможня», «заставы» и «стражи», авторы установили, что вдоль границы в изучаемом регионе стояли: таможня в Кимасозере; три заставы — возле деревень Понгемское Устье в Кольском уезде, Вокнаволоок в Кемском уезде и возле деревни Кимасозеро в Повенецком уезде; десять страж (небольших застав, имевших постоянный характер) — близ населенных пунктов Наргиев Двор, Войкула, Войница, Мартыева, Нишкосзеро, Бабя Губа, Ровкула, Ребольский погост, Лендеры и Любосалма [8].

Наличие на карте таможни в Кимасозере заставляет полагать, что сведения для картографирования собирались значительно ранее 1784 г. Согласно свидетельствам крестьян Панозерского погоста, из Кимасозера таможня была перенесена в Юшкосзеро около 1766 г. [5; 27 об.]. К. М. Агамирзоев отмечает, что юшкосзерская таможня действовала до 1808 г., когда указом императора Александра I все таможенные учреждения на бывшей государственной границе со Швецией были ликвидированы [6; 111].

Кроме того, во второй половине XVIII в. местное сообщество было отстранено от выдачи особых «покормежных» писем «о проходе за швецкую границу» [2; 13]. Паданское комиссарское правление рассмотрело присланное из олонецкой провинциальной канцелярии 11 июня 1774 г. предложение генерал-поручика Новгородской губернии Я. Е. Сиверса. Комиссару поручику Клементию Волкову вменялось в обязанность у «подчиненных ему погостов старост, соцких и десяцких» взять подписки «под наижесточайшим штрафом, дабы оне впредь покормежных... писем никому крестьяном мимо канцелярии не давали и присылали б о даче тем крестьяном печатных пашпортов в олонецкую провинциальную канцелярию и в Паданское камисарское правление, когда оное учреждено будет, доношения» [2; 13]. Крестьяне, получившие «печатные пашпорты», были обязаны «явиться в Выборкскую губернскую канцелярию для переводу на швецкой язык» [2; 13].

Жители Ребольского погоста очень хорошо знали о новом требовании получения паспортов для проезда за рубеж. Об этом позволяют судить показания вора Михаила Никифорова, утверждавшего, что он пребывал с братом Григорием «за шведской границой... з данным ему из олонецкой юшкосзерской пограничной таможни для проходу во оную билетом» [3; 6]. Вероятно, вор мог слышать о новых правилах и даже исказить их. Это заставило канцелярию пригорода Паданска почти сразу отправить в феврале 1775 г. в таможню промеморию с требованием объяснить, «подлинно ль как оныя воры показывают, что им даны билеты для проходу в Швецию..., и если окажется в их показании справедливость, то почему она к даче тех билетов приступила» [3; 7].

Начало розыска:

письмо шведских властей к «мирским людям» Панозерского погоста

Из свидетельских показаний воров следует, что они не были уверены в том, что слухи о совершенной ими краже не дойдут до их деревень. Поэтому, стремясь избежать излишних вопросов родственников и соседей, опасаясь попасть под подозрение, братья Никифоровы спрятали все украденное в «мертвой» гробнице на кладбище, которое, с их слов, «имеетца в лесном месте» — в трех верстах «перешед... границу» [3; 5 об.], [2; 68]. Только после этого они пришли «в дома свои» и стали жить, не признаваясь в «том воровстве никому». Украдкой свиделся с родителями третий вор — Савин Пиминов. В последствии он сообщал, что приходил «для свидания отца и матери в дом ево, в деревню Лувозеро, где переначевав одну только ночь, не сказывая никому, что он был на... воровстве, пошел обратно за шведскою границу», где жил до праздника Апостолов Петра и Павла [3; 23].

Какое-то время — за отсутствием сведений о происшедшем — российские власти не предпринимали никаких действий к поимке преступников. Инициатором розыска выступила шведская сторона. Во второй половине июля 1774 г. старосте Панозерского погоста Агафону Митрофанову, а также крестьянам Петру Кенниеву и Потапу Ремшуеву из деревни Вокнаволок «шведской почтамской пакетместер» принес письмо. В письме, как свидетельствовал в дальнейшем на допросе Потап Ремшуев, предъявлялось требование к ним, «чтоб они дву незнаемых человек сыскали, у коих взять покраденныя из шведской сигаречной кирки серебряной посуды и представили обратно во оную кирку» [3; 24]. В случае отказа от содействия в поимке преступников и возвращения имущества в кирку, шведские власти угрожали, что «ему и протчим крестьяном болие приезду туда [Швецию. — Е. С.] не будет же» [3; 24].

Требование поимки было адресовано непосредственно представителям локального сообщества — земскому старосте и крестьянам Панозерского погоста не случайно. Шведские власти были хорошо осведомлены о том, что многие из них приезжали в Швецию с «мелочным» товаром. Капитан Сергей Ушаков отмечал, что «заграничные торги имеют одни крестьяне, да и то почти все Панозерскаго погоста» [5; 29]. Именно через Панозерский и Ребольский погосты проходил торговый водный путь, описанный капитаном следующим образом: «от Куттозера мимо Юшкозера летнем временем Кемь рекою, коя простирается от устья Окияна моря, то есть от Кеми городка чрез деревни Пудуженья, Панозеро, Сабосолмы, Юшкозера, от той водою ж около Болшаго Куттозера, деревню Курми лахта, Сусь салма, Алозеро, Ухта, Ювелокша» [5; 29].

Сами «мирские люди» Панозерского погоста во главе со старостой Саввой Яковлевым в доношении, поданном в Паданское комиссарское правление в августе 1774 г., сообщали, что «для прекормления своего» ловят дичь и «отвозят к городу Архангелскому, в Восьегонскую и Олонецкого уезду на Шунскую ярманку, где продают на денги и мяняют на пенку, холст хрещевой и протчие мелочные товары, которые и привозят в дома свои» [5; 18 об.]. Они уточняли, что «из оных иные» товары «употребляют про домашние расходы, а другия продают своей братьи крестьяном про домашне ж расходы, а которые привозят для отпуску за шведскую границу» [5; 18 об.]. Жалуясь на капитана Сергея Ушакова, якобы разрешившего им торговать только лаптями, крестьяне подчеркивали: «живем в Лопских погостах в самех холодных местах и ежели лишены будем и малых своих внутренних торжишков, то не токмо казенных податей платить, но и пропитания иметь не ис чего будет» [5; 20]. Таким образом, шведские власти, выставя требования местным крестьянам, были уверены в скорой поимке ими воров.

Прямое обращение к локальному сообществу могло быть обусловлено желанием как можно более быстрого урегулирования конфликта. Паданское комиссарское правление было учреждено как раз во время рассмотрения житейской ситуации — в феврале 1774 г. и, вероятно, только приступало исполнению возложенных на него функций. Так или иначе, первые сведения о случившемся правление получило от комиссара поручика Клементия Волкова, приславшего свой рапорт в Паданск 7 августа 1774 г. Первый же обстоятельный рапорт по делу о краже и поимке воров от старосты Погостской половины Ребольского погоста Ивана Фотиева поступил на рассмотрение только тринадцать дней спустя, когда крестьянам не удалось справиться с проблемой собственными силами.

Поимка воров и их бегство: позиция крестьянского сообщества

Дорожа связями со Швецией, крестьяне сразу же приступили к розыску преступников. Допросные речи Потапа Ремшуева позволяют уверенно утверждать, что как только ему и его товарищам стали известны имена возможных преступников и место их жительства, они дали об этом знать земскому старосте своего погоста Ивану Фотиеву. Последний явился в деревню Перти губа в дом братьев Никифоровых, «стал спрашивать их и бить немилостивно об оной покраденной посуды». Сами братья, «не стерпя... тех побоев», во всем повинились и «объявили ему, что оная посуда положена в... гробнице; почему взяв тот староста их и мирских людей, пришед на то кладбище, ту посуду из гробницы выняли» [3; 5 об.].

В тех же числах был пойман и Савин Пиминов, которого выдали братья Никифоровы. Староста Иван Фотиев схватил его в деревне Алоозеро, куда тот отправился на церковный праздник Апостолов Петра и Павла — 26 июня 1774 г.

Как свидетельствовал староста, был пойман и четвертый вор — житель деревни Ювалаксы Фрол Никитин [2; 72]. Его дальнейшая судьба остается неизвестной. По всей видимости, ему удалось сбежать и на время скрыться. Первый указ о его поимке был составлен в Паданске только год спустя — 22 мая 1775 г. [4; 59].

Вместе с преступниками в сопровождении двух «караульных» — Сидора Иванова из деревни Вокнаволоок и Харитона Герасимова из деревни Кетозера — староста отправился по тракту «в канцелярию пригорода Паданска» [3; 5 об.]. Однако вору вскоре бежали. Первым ушел Савин Пиминов. В допросной речи, составленной позже, он рассказал о случившемся так: «отошед... верст з десять выпросился у них для телесной нужды на сторону, кои ему в том и позволили, а сами пошли вперед, оставя ево одного; он же, имея удобной к уходу случай, от них... бежал» и «лесом пробрался за шведскую границу» [3; 23].

Затем улучил удобный момент Григорий Никифоров и его брат Михаил, который позже на допросе детально разъяснял: «следуя по тракту к пригороду Паданску, пришед для ночлегу то же Кимосозерской половины в деревню Лувозеро в крестьянский дом, ис коего в ночное время брат ево Григорей, сняв с своей ноги железа, кои имелись быть велики, бежал, а он, следуя тем же трактом со оными проводниками, не доходя Ругозерскаго погоста деревни Тикши, от тех проводников таковым же образом бежал» [3; 6 об.—7].

Об имуществе, украденном из лютеранской кирки, вору, спасаясь от наказания, забыли и «оставили у... проводников, кои оную представили обратно в мир» — жителю деревни Вокнаволоок Потапу Ремшоеву «с товарищи... под сохранение» [3; 22 об.].

Задержка с розыском воров привела к тому, что шведские власти выдвинули еще одно жесткое условие. Узнаем о нем из рапорта оказавшегося в здешних краях по долгу службы поручика Клементия Волкова, который сообщал в Паданское комиссарское правление: «шведские камандиры угрожают российских людей с тем, естли кто из России хотя кто б с ка-

кими товарами во Швецию будет для торгу, то с тех конечно за покраденныя... вещи пожитки их конфискованы, да и сами засажены будут в тюрьму, а ежели-де объявленные покраденныя вещи возвращены будут, то российским людям во Швецию въезд свободной будет по-прежнему» [3; 22 об.].

Упустив воров и потеряв немало времени, представители локального сообщества поспешили сделать все зависящее от них. Желая возвратить как можно скорее церковное имущество в кирку, Потап Ремшоев обратился к приехавшему в их края для отвода земли «под строение таможенных покоев» комиссару поручику Клементию Волкову и, рассказав о случившемся, просил «оное серебро отдать им для отнесу во Швецию, чтоб им был свободной въезд» и «чтоб со Швецией о покраже того серебра не учинилось чего худаго» [2; 72] [5; 29 об.]. Комиссар поручик в присутствии заставного таможенного капрала Федора Осипова и солдата Мирона Иванова освидетельствовал краденое имущество и передал «с роспискою... крестьянам... для отнесу во Швецию» [3; 24—24 об.]. После чего Потап Ремшуев «отнес... тое посуду во Швецию Столдамскому пакетместеру» [3; 24 об.].

Поимка сбежавших воров силами крестьян

Паданское комиссарское правление санкционировало действия локального сообщества по поимке преступников. В частности, сотскому старосте «с мирскими людьми» вменялось в обязанность «накрепко сыскивать» беглецов «и по сыску отослать под крепким караулом скованных» в Паданск [3; 22 об.]. Имущество воров «за збегом и укрывательством их — движимое и недвижимое имение все без остатку» повелевалось «при старосте и посторонних людех описать, запечатав, отдать под сохранение старосте и десяцким впредь до указа с роспискою» [3; 22 об.].

Рассматривая действия Потапа Ремшуева «с товарищи» как самовольные, правление распорядилось, «не приемля от них никаких отговорок, к следствию прислать же за караулом немедленно» [3; 24]. На допрос Потап Ремшуев прибыл 2 января 1775 г. Вместе с ним в Паданск приехал и один из «караульных», упустивших воров, — Харитон Герасимов из деревни Костумуксы [3; 24—24 об.]. Действия Потапа Ремшуева власти одобрили. Однако Харитон Герасимов был наказан как и товарищ батогами «за несмотрение и неострожность», но привлечен к розыску: он получил «для сыску означенного вора отверстой указ» [3; 25].

Как следует из допросных речей воров, каждый из них «лесом пробрался за шведскую границу» [3; 6—7, 23]. Вскоре братья Михайла и Григорий Никифоровы встретились и стали кормиться «портным мастерством у разных тамошних шведских жителей» [3; 6]. Савин Пиминов, с его слов, «жил у обывателей, не сказывая, что он вор и бежавшей из своего отечества человек» [3; 6—7, 23]. Вскоре все они вернулись в свои деревни «для свидания родственников», где и были схвачены: Савин Пиминов — старостой Иваном Фотиевым между 7 и 27 ноября 1774 г.; братья Никифоровы — канцеляристом Андреем Рамановым «с мирскими людьми» к 6 февраля 1775 г. [3; 6, 23]. В Паданск канцелярист привез также явившегося к нему «самого собою... бывшего проводника» жителя деревни Вокнаволока Сидора Иванова [3; 3].

Резолюция канцелярии и повторное бегство воров

Вскоре преступники были посажены в «тюремную избу, коя имеетца в доме государственно-го крестьянина Давыда Агафонова, отстоящей от канцелярии не болие пятидесять сажень» [3; 29]. Однако в канцелярии долго не могли принять никакого решения о том, что с ними делать дальше. Тем не менее какое-то решение следовало принять. В канцелярии хорошо знали об императорском указе от 11 января 1763 г., повелевавшем «всех пойманных воров и

разбойников в тюрьмах и острогах под караулом более месяца не держать... и дела решить непременно, считая от дня приводу таковых в судебное место в месяц» [3; 26 об.].

Тем не менее, дело продвинулось только к 10 марта 1775 г., когда было получено предписание из олонекской провинциальной канцелярии с повелением выслать все материалы дела и воров «под крепким караулом на главное рассмотрение и решение» в Олонец. К этому времени Савин Пиминов провел в тюрьме четыре, а братья Никифоровы — полтора месяца.

Канцелярии пригорода Паданска также вменялось в обязанность подготовить «из дела экстракт со мнением на основании законов» [3; 22]. Ссылаясь на отсутствие законов, канцелярия ограничилась подготовкой к 28 марта 1775 г. трех выписок из «Военного артикула», в котором были прописаны чрезвычайно жесткие меры наказания. Так, в одной из выписок приводилась цитата из артикула 104 главы 14 о том, что во взятых штурмом городах или крепостях никому не разрешалось «церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и указа грабить или разбирать» за исключением тех случаев, когда «гарнизон или граждане во оном здачею медлить и великой вред чинить будут» [3; 26 об.]. Любого, нарушившего это требование, полагалось наказать как разбойника: «а именно лишен будет живота» [3; 26 об.]. Была сделана также выписка из артикула 186 той же главы: тех, кто «церкви или иные святыя еста покрадет или у оных что насильно отъимет», ожидала суровая участь: «имеет быть лишен живота и тело ево на колесо положено» [3; 26 об.].

В третьей выписке были расписаны условия при которых «собственное признание» преступника можно было считать «лучшим свидетельством» (пункт 17 главы 2): если «в суде пред судьей учинено» и есть «такие доказательства, которые б могли быть достоверны и о правде не сумневатца» [3; 26 об.].

Пойманных воров было решено отправить в Олонец рано утром 29 марта. Однако в эту ночь Григорий и Михаил Никифоровы сбежали из-под караула во второй раз. Об обстоятельствах бегства стоявший на карауле солдат Козьма Софонов сообщал так: «на часы, он Софонов ставши же, имел над оными колодниками смотрение даже и до полуночи, кои все находились спящими, и в то время... воры Григорей и Михайла Никифоровы встали с своих мест и выпросились... для телесной нужды на двор, из них Михайла в сапогах, кафтане, а другой босой и без рубашки в одних портках» [3; 29]. Следом за ними солдат не пошел и воры этим воспользовались: открыли ворота и сбежали. Услышав скрип и увидев, что «дворовые ворота отперты», Козьма Софонов крикнул уже спавшим товарищам, «что оныя колодники ушли...», сам для поимки предреченных воров по лежащей из пригорода Паданска дороге к деревне Сондалом побежал, по коей и следовал верст пять, но однако их сыскать и застать не мог» [3; 29].

Когда в канцелярии стало известно о бегстве братьев Никифоровых, были составлены соответствующие грамоты для их поимки: указы — «ведомства здешней канцелярии ко всем погостным старостам»; промемории — в Петрозаводскую и Кексгольмскую комендантскую канцелярии, а также в Тивдинскую о мраморной ломке экспедицию; доношения — в Выборгскую и Архангелогородскую губернские канцелярии [3; 29]. Кроме того, «для сыску оных воров» готовили нарочного «с наставлением» [3; 29 об.]. Солдат Козьма Софонов «в разсуждение им неумышленного тех воров... ис под караула упущение» был наказан батоги и причислен «по прежнему к воинской команды» [3; 29 об.].

Братьям Никифоровым так и не удалось скрыться. Они были пойманы всего два дня спустя местными крестьянами. Григорий Никифоров, представленный на допрос 4 апреля, рассказал о бегстве так: отперев ворота, они с братом «побежали в лес, по коему и пробрались за деревню Сондалу, за коею в ымеющейся не в далнем расстоянии сенной зорот скрылись, где пребы-

ли болие половины дня» [3; 32]. Отдохнув здесь, братья «найденным ими в лесу камнем имеющиеся на ногах железа разбили и пробирались даже до Ругозерского погоста до деревни Тутузниеми прямо лесом», куда пришли «апреля 1 числа в вечернее время» [3; 32]. В целом они прошли расстояние в 130—150 км за два дня, подкрепляя свои силы «унесенным из тюремных сеней... хлебом и взятою в лесу из ямы репою» (рис. 1). Подойдя к деревне Тутузниеми, «не стерпя от зазнобленных у... Михайлы ног... великой болезни», они вошли «в крестьянскую баню и только лишь успели вырубить для согретия себе огонь», как заметили в деревне «бывшаго тогда за указным исполнением Паданской канцелярии салдата Осипа Бунина» [3; 32]. Испугавшись, что «конечно оной салдат послан за ними в погоню», они «ис той бани вышли вон и побежали к состоящей в трех верстах от той деревни Тутузниеми... деревни Тикши» [3; 32]. По пути в деревню, «не доходя до оной полуверсты», они были схвачены старостой и крестьянами Ругозерского погоста, которые их связали и «отослали под крепким караулом» вместе с солдатом Осипом Буниным, оказавшимся в здешних местах [3; 32]. По прибытии в Паданск, воры были отосланы в олонецкую провинциальную канцелярию — теперь «в ножных и ручных железах за конвоем» вместе с солдатом из воинской команды Кондратом Хватовым [3; 32 об.].

Рисунок 1

**Деревни Ребольского, Панозерского и Ругозерского погостов,
с которыми связаны описываемые события**

Источник: Картографическая справочно-информационная система «Генеральное межевание Олонецкой губернии». Планы генерального межевания Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии. Экономические примечания к планам генерального межевания (конец XVIII века) [Эл. ресурс]. URL: <http://maps.karelia.ru/mez/>

Украденное имущество: к вопросу о вере и языке

Перечень украденного из кирки имущества находим в допросных речах воров и рапорте комиссара поручика Клементия Волкова, которому «крестьянин Потап Ремшуев... и протчия крестьяня... представили» все вещи «с роспискою» [3; 24—24 об.].

Воры вынесли из кирки семь серебряных изделий. В списке первым значился сосуд, «в каковом тело Христово совершают». Савин Пиминов и братья Никифоровы использовали для его обозначения слово «кулган» или «кулгал» (от фин. «kulho» — «чаша»). Второй в перечне была емкость, из которой, как указывали братья Никифоровы, «воду во время служения употребляют» [3; 5 об.]. Братья называли эту емкость «корчиком», Савин Пиминов не мог дать ей определения, указав только вес — «з четверть фунта» [3; 23]. В рапорте комиссара поручика Клементия Волкова емкость была описана как «кулган с крышкою на четырех ножках» [3; 22 об.].

Также были украдены «две лошки», «торелочка маленькая», «подсвешник, в которой становитца три свечи» (в рапорте комиссара уточнялось: «в нем весу три фунта с половиною»), «колоколчик» (в рапорте комиссара уточнялось: «маленькой без язычка») [3; 5 об.—6, 23]. Кроме того, Савин Пиминов и братья Никифоровы называли «маленькой стоканчик», который в списке Клементия Волкова не был упомянут. Помимо серебряной посуды, воры похитили из коробки ткань — «холстины» — «тонкой широкой четыре аршина с половиною» [3; 5 об.—6, 23].

Свидетельства воров и крестьян, представивших украденные вещи для освидетельствования Клементию Волкову, позволяют предположить, что представители локального сообщества, отправлявшиеся в Швецию, если и не заходили в лютеранские храмы, то были знакомы с теми обрядами, которые совершались в нем.

Выводы

Во второй половине XVIII в. представители локального сообщества Северной Карелии достаточно свободно пересекали государственную границу. Материалы дела позволяют сделать вывод в том, что жителей российско-шведского приграничья объединяли тесные экономические и культурные связи. Многие крестьяне приграничных Панозерского и Ребольского погостов, в жизни которых торговля занимала первостепенное место, везли в Швецию товары с российских ярмарок и городов. Некоторые бывали за рубежом на заработках. Жители приграничных погостов говорили на понятном для «шведских обывателей» и «шведских командиров» языке и были, по всей видимости, хорошо знакомы с лютеранским вероучением. По ту сторону границы они находили приют не только в домах крестьян, но также лиц, наделенных определенными властными полномочиями — солдат и старост. Однако несмотря на тесные контакты, крестьяне возвращались домой и сохраняли веру.

Как справедливо отметил Ю. Н. Беспятых, местное сообщество с давних пор играло первостепенную роль в сохранении мира и порядка в пограничье. Внимательно изучив документацию о крестьянских перемириях на северной границе в начале XVIII в., переписку между губернатором Улеборга и Каяни с русским губернатором в Петрозаводске относительно возможности заключения локального мира в пограничных районах в конце 1780-х гг., ученый пришел к выводу о том, что «традиция мирных взаимоотношений пограничного населения сопредельных стран» не прерывалась во время войн [7; 57]. Исследователь подчеркнул, что инициатива постоянно исходила от местного населения, в жизни которого «земледелие носило лишь вспомогательный характер и издавна значительное место занимала

торговля, и большая часть жителей Лопских погостов и Карельского Поморья занималась ремеслами и промыслами» [7; 51].

Изучение обстоятельств поимки преступников убеждает в том, что заинтересованность местных крестьян в сохранении добрососедских отношений со Швецией и торговых связей, способствовала урегулированию конфликтных ситуаций не только в военное, но и в мирное время. Житейская ситуация разбиралась при прямом содействии локального сообщества через его наиболее влиятельных представителей, — зажиточных и ведущих торговлю крестьян и земских старост. Канцелярия пригорода Паданска в дальнейшем санкционировала их действия и наделила властными полномочиями.

Тем не менее, шедшие из глубины веков традиции земского самоуправления и связанные с ними привилегии во второй половине XVIII в. — с учреждением таможни и Паданского комиссарского правления — стали в значительной степени ущемляться властями, которые во все большей степени стремились контролировать ситуацию в приграничье.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Национальный архив Республики Карелия

Ф. 652. *Канцелярия пригорода Паданска (1774—1796 гг.)*

1. 1774, февраля 21 — сентября 15. — Журнал присутствия Паданского комиссарского правления // Оп. 1. Д. 1/5. 42 л.
2. 1774, ноября 28 — мая 31. — Протоколы Канцелярии пригорода Паданска // Оп. 3. Д. 1/2. 163 л.
3. 1774, декабря 10. — 1775, декабря 31. — Протоколы Канцелярии пригорода Паданска // Оп. 1. Д. 3/39. 192 л.
4. 1775, марта 28 — мая 22. — Дело о краже крестьянами Ребольского погоста деревни Пертигубы Григорием и Михайлой Никифоровыми и деревни Лувозеро Савином Пиминовым серебряной посуды из шведской Сигаречной кирки в 1774 г. // Оп. 1. Д. 4/60. 66 л.
5. 1774, мая 23. — 1775, января 22. — Дело по жалобе старосты и крестьян Панозерского погоста на главного смотрителя Юшкозерской пограничной таможни капитана Сергея Ушакова в причинении крестьянам обид, разорения и в незаконном взимании с них таможенных сборов за внутренние товары // Оп. 3. Д. 1/1. 54 л.

Литература

6. Агамирзоев К. М Противостояние Юшкозерской таможни и крестьян-коробейников во второй половине XVIII века // Таможенные чтения—2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. 1. СПб., 2012. С. 99—110
7. Беспятых Ю. Н. «Крестьянское перемирие» и пограничная торговля между северными районами России и шведской Финляндии в начале XVIII века // Скандинавский сборник. Вып. XXV. Таллин, 1980. С. 50—57.
- Чернякова И. А. и др. Опыт использования технологий ГИС для создания электронной тематической карты «Северо-Западное Российское приграничье в XVIII веке» на базе старых картографических произведений / И. А. Чернякова, Е. В. Ляля, О. В. Черняков, А. М. Шредерс // Журнал публикаций и отчетов ИЛЛМИК [Электронный ресурс]. № 1—2. 2006. URL: http://illmik.petrus.ru/news/New_Results/D43E4DC5-894E-402D-85AC-8D782656E280.html (25.01.2015).
8. Katajala K. Cross-Border Trade in Karelia from the Middle Ages to the October Revolution 1917 / The Flexible Frontier: Change and Continuity Finnish-Russian Relations / Ed. By M. Lähteenmäki. Helsinki: University of Helsinki, 2007. P. 70—87.

Suslova Evgenia Dmitrievna

Petrozavodsk State University

PhD, Researcher of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK)

Lecturer, Department of Foreign History, Political Science and International Relations

Institute of History, Political and Social Sciences,

evgenia.suslova@mail.ru

Norms of everyday life in North Karelia end of the 18th century: from the case of burglary of the Lutheran Church in the Swedish- Karelian borderland

Annotation: The article focuses on the investigation of Lutheran church burglary committed by peasants of Rebola pogost, who went to Sweden for earning money in spring 1774 and once broke into the Lutheran church for grabbing fabrics and silver utensils. The protocols of the Chancellery of Padansk, that are kept in the National Archive of the Republic of Karelia, contains detailed statements from reports of the officials and allow to trace the steps in the court procedure, to reveal the attitude of the local community and the officials from both Russian and Sweden sides to burglary.

The Analysis of interrogation of the elders and the accused shows that despite the increasing of government regulations on the border crossing, the state border is supposed to be quite easy for crossing from both sides. Peasantry from Panozero, Rugozero and Rebola pogosts were primarily interested in maintaining friendly relationship with the neighboring country, because they travelled to Sweden for trading with goods brought from north-eastern and central part of Russia

Key words: XVIII c.; Rebola pogost; Karelia; Sweden; Russian Empire; frontier; state border; customhouse; border trade; burglary; Lutheran church; every-day life history; social history.